
КАТЕРИНА ВОЛК
Муж
МОЕЙ ЛУЧШЕЙ
ПОДРУГИ
16+
КАТЕРИНА ВОЛК

Катерина Волк

Муж моей лучшей подруги

https://litres.ru/74702592
SelfPub; 2026

Аннотация

Десять лет назад он бросил меня за две недели до свадьбы. Через три года женился на моей лучшей подруге.

Я научилась жить без Максима, забыть предательство и больше не возвращаться в город, где когда-то была счастлива. Но смерть бабушки заставила меня приехать домой.

И в первый же день Максим написал мне. Он утверждает, что я не знаю всей правды о нашем расставании. Что десять лет назад произошло нечто, о чём мне никто не рассказал.

Теперь я должна выбрать: оставить прошлое в покое или узнать правду, которая может разрушить чужую семью.

Но Виктория, моя лучшая подруга, тоже что-то скрывает. Именно она поддерживала меня, когда Максим исчез. Именно она стала его женой.

Оба уверяют, что хотели меня защитить. Оба лгут.

А что, если все эти десять лет я ненавидела не того человека?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	27
Глава 4	40
Глава 5	51
Глава 6	65
Глава 7	79

Катерина Волк
Муж моей лучшей подруги

Глава 1

МУЖ МОЕЙ ЛУЧШЕЙ ПОДРУГИ

Глава 1. Город, который я оставила

В день похорон бабушки мне написал мужчина, которого я не видела десять лет.

«Ты вернулась?»

Без приветствия. Без объяснений. Даже без точки в конце.

Я перечитала сообщение трижды, прежде чем посмотрела на имя отправителя.

Максим Орлов.

Человек, которого я когда-то собиралась назвать мужем.

Человек, который за две недели до нашей свадьбы исчез из моей жизни, оставив после себя только короткое сообщение и платье, которое я так и не надела.

И человек, который теперь был женат на моей лучшей подруге.

Я сидела в машине на заднем сиденье такси, смотрела на серые дома за окном и чувствовала, как телефон становится тяжёлым в ладони.

За десять лет я придумала сотни вариантов нашей встре-

чи. Иногда мы сталкивались в супермаркете, и он делал вид, что не узнал меня. Иногда он приходил на выставку моих фотографий с молодой красивой женщиной, а я улыбалась ему так спокойно, будто между нами никогда ничего не было. В самые жестокие дни я представляла, как он просит прощения, а я отвечаю, что давно забыла его имя.

В моих фантазиях я всегда выглядела достойно.

В действительности мне было тридцать, я ехала хоронить единственного близкого человека в городе, который старалась забыть, и не могла заставить себя выключить экран телефона.

— Девушка, вам плохо? — спросил водитель, встретившись со мной взглядом в зеркале.

— Нет.

Он посмотрел на меня так, как смотрят на людей, которые только что соврали, но не хотят продолжать разговор.

Я убрала телефон в сумку.

За окном проплывала знакомая улица. Аптека с выцветшей зелёной вывеской. Остановка, на которой мы с Максимом когда-то целовались под дождём. Кафе, где Виктория рассказывала мне о своём первом свидании, пока я ковыряла ложкой остывший десерт и убеждала себя, что уже не люблю его.

Всё стояло на своих местах.

Даже город, казалось, не заметил, что меня не было десять лет.

— Куда дальше? — спросил водитель, когда мы остановились перед старым двухэтажным домом.

— На кладбище, — ответила я. — Только сначала сюда.

Дом бабушки выглядел меньше, чем в моих воспоминаниях. Когда-то мне казалось, что он занимает половину улицы. В детстве я бегала по его комнатам, пряталась под тяжёлыми шторами, залезала на чердак и читала там книги, которые бабушка считала слишком взрослыми для десятилетнего ребёнка.

Теперь облупилась краска на воротах, просела калитка, а возле крыльца разросся куст шиповника.

Я расплатилась, достала чемодан и остановилась у калитки.

Ключ лежал в боковом кармане сумки. Бабушка прислала его мне ещё весной, когда впервые заговорила о том, что здоровье уже не то. Я тогда пообещала приехать летом.

Потом летом у меня появилась работа.

Осенью я собиралась освободить выходные.

Зимой позвонила бабушкина соседка и сказала, что та упала на кухне.

Я приехала через три дня.

На похороны я опоздала не потому, что не успела купить билет. Просто не смогла заставить себя сесть в поезд.

Теперь бабушки больше не было, и мне казалось, что все мои отговорки наконец потеряли смысл.

Я открыла калитку.

Она скрипнула точно так же, как в детстве.

В доме пахло сушёными яблоками, пылью и лавандой. Этот запах ударил сильнее, чем я ожидала. Я поставила чемодан в прихожей и несколько секунд стояла неподвижно, прислушиваясь.

Тишина.

На вешалке висело бабушкино пальто. На тумбочке лежали очки, аккуратно сложенные рядом с маленькой коробочкой таблеток. В комнате тикали старые часы.

Я сняла куртку, повесила её на свободный крючок и вдруг рассердилась.

На себя. На бабушку. На весь этот дом, в котором каждая вещь продолжала жить так, будто её хозяйка просто вышла за хлебом.

— Ну что, — сказала я вслух. — Я приехала.

Никто не ответил.

Я прошла на кухню. На столе стояла чашка с выцветшими розами. Рядом лежал раскрытый блокнот, в котором бабушка записывала расходы, рецепты и телефонные номера соседей.

Последняя запись была сделана неровным почерком:

«Алиса приедет в четверг».

Я провела пальцем по строчкам.

Сегодня была суббота.

Бабушка ошиблась на два дня. Или я сама когда-то сказала ей неправильную дату. Теперь это уже не имело значения.

Я закрыла блокнот и увидела под ним конверт.

На нём было написано моё имя.

Не «внучке». Не «Алисочке», как бабушка писала обычно.

Просто: «Алисе».

Почерк был её.

Внутри лежал один листок.

«Алиса, если ты читаешь это письмо, значит, я уже не смогу объяснить тебе всё сама. Не сердись на меня за то, что я молчала. Я хотела, чтобы ты прожила свою жизнь, а не возвращалась к тому, что случилось тогда.

Не ищи виноватых, пока не узнаешь, что именно произошло.

И, пожалуйста, не выбрасывай старые фотографии из нижнего ящика комода.

Бабушка».

Я перечитала письмо.

Потом ещё раз.

Что случилось тогда?

Бабушка знала, как я пережила расставание с Максимом. Она была одной из немногих, кто не пытался утешать меня словами о том, что всё к лучшему. Она просто приезжала ко мне, привозила еду и сидела рядом, пока я делала вид, что работаю.

Но она никогда не говорила, что знает какую-то другую правду.

Я сложила письмо и убрала его в карман.

Внизу, в гостиной, стоял старый комод. Ящики заедали, и бабушка всегда ругалась, когда я пыталась их открыть. В детстве мне казалось, что там хранятся сокровища. В подростковом возрасте я обнаружила несколько пачек открыток, фотографии незнакомых родственников и пожелтевшие документы.

Теперь я выдвинула нижний ящик.

Он поддался не сразу.

Внутри лежали альбомы, перевязанные лентой, конверты и несколько фотографий без рамок. Я села прямо на пол и стала перебирать их.

Бабушка в молодости. Мама у моря. Я в школьной форме с огромным букетом астр.

А потом Максим.

На снимке ему было двадцать три. Он стоял возле нашего старого университета, придерживая рукой волосы, растрёпанные ветром. Я помнила этот день. Мы только что сдали последний экзамен, и Максим сказал, что через пять лет мы будем вспоминать всё это с улыбкой.

Я тогда ответила, что через пять лет мы будем женаты.

Он поцеловал меня в лоб и сказал:

«Если ты, конечно, меня не бросишь».

Я засмеялась.

Теперь фотография казалась чужой.

Я перевернула её. На обороте ничего не было. Следом ле-

жал снимок, на котором мы стояли втроём: я, Максим и Виктория.

Мы были на даче у общих знакомых. Виктория обнимала меня за плечи, а Максим смотрел куда-то в сторону. Я помнила фотографию, но не помнила, кто её сделал.

На следующей фотографии была одна Виктория.

Красивая, загорелая, с распущенными волосами. Она улыбалась в камеру, держа в руках бокал лимонада.

Я перевернула снимок.

Дата: 14 июня.

Наша свадьба должна была состояться 28 июня.

Я долго смотрела на цифры, пока не поняла, что сжимаю фотографию так сильно, что края впиваются в пальцы.

Всё это было десять лет назад.

Почему бабушка попросила не выбрасывать фотографии именно сейчас?

И почему она написала, что мне не стоит искать виноватых?

Телефон завибрировал в сумке.

Я вздрогнула.

Сообщение от Максима всё ещё было на экране.

«Ты вернулась?»

Я не ответила.

Вместо этого открыла его профиль. Фотография была новой. Максим стоял рядом с Викторией на фоне моря. Она держала руку у него на груди, демонстрируя обручальное

кольцо. Он улыбался, но улыбка казалась натянутой.

Под фотографией стояла дата публикации — три дня назад.

«Семь лет вместе. И всё только начинается», — написала Виктория.

Семь лет.

Я машинально посчитала. Они поженились через три года после того, как Максим бросил меня. Значит, сейчас их годовщина была совсем близко.

Я закрыла профиль.

Пальцы сами нашли номер, который я не набирала десять лет. Он всё ещё был сохранён в памяти телефона, хотя я давно удалила его из контактов. Некоторые вещи мы не храним намеренно. Просто не можем решиться уничтожить их окончательно.

Я нажала на строку ответа.

«Зачем?»

Посмотрела на слово.

Стерла.

Написала:

«Ты ошибся номером».

Снова стерла.

В конце концов заблокировала экран и поднялась с пола.

Мне нужно было на кладбище. Потом — разобрать документы, поговорить с нотариусом и решить, что делать с домом. У меня была работа, квартира в другом городе и жизнь,

которую я собирала по кусочкам после того, как Максим её разрушил.

Я не собиралась возвращаться в прошлое.

Я повторяла это себе, когда выходила из дома, когда закрывала калитку и когда садилась в такси.

Но уже на полпути к кладбищу телефон снова завибрировал.

На этот раз пришло голосовое сообщение.

Я не хотела его открывать.

Водитель включил радио. По салону разлилась тихая музыка, и я вдруг поняла, что не слышу ни одного слова. Я смотрела на имя отправителя и чувствовала, как внутри поднимается знакомая, почти забытая тревога.

Потом нажала на воспроизведение.

Сначала было слышно только дыхание. Затем — короткий шорох, словно человек прикрыл микрофон ладонью.

И голос.

Ниже, чем я помнила. Чуть хриплый. Но всё тот же.

— Алиса, это я. Пожалуйста, не отключайся. Я знаю, что не имею права тебе писать. Знаю, что ты никогда не простишь меня. Но мне нужно, чтобы ты выслушала меня хотя бы один раз.

Пауза.

Я перестала дышать.

— Дело не в том, что я женился на Виктории. И не в том, что произошло перед свадьбой. Ты должна знать, что

тогда…

Запись оборвалась.

Я нажала на воспроизведение ещё раз.

«Ты должна знать, что тогда…»

И всё.

Сообщение длилось двадцать три секунды.

Я посмотрела на экран. Под аудиозаписью появилась новая строка.

«Я не должен был оставлять тебя одну с этим».

Такси остановилось у ворот кладбища.

— Приехали, — сказал водитель.

Я не сразу поняла, что он обращается ко мне.

Потом убрала телефон, открыла дверь и вышла на холодный воздух. У ворот стояли люди с цветами. Кто-то разговаривал вполголоса, кто-то поправлял воротник пальто. Обычное субботнее утро, обычные похороны.

Только у меня в кармане лежало письмо умершей бабушки, в сумке — фотография человека, которого я ненавидела, а в телефоне — голос мужчины, который десять лет назад отказался от меня.

Я подняла глаза к небу.

Мне хотелось верить, что всё это совпадение. Что бабушка просто хранила старые фотографии, а Максим написал мне из чувства вины. Что за десять лет люди не становятся другими, а лишь учатся жить с тем, что сделали.

Я хотела похоронить бабушку, уехать и больше никогда

не возвращаться.

Но перед тем, как войти на кладбище, я получила последнее сообщение.

На этот раз от Виктории.

«Алис, я слышала, что ты приехала. Мне очень жаль насчёт бабушки. Позвони, когда сможешь. Нам нужно увидеться».

Я перечитала его и почувствовала, как холодеют пальцы.

Виктория не знала, что Максим мне написал.

По крайней мере, так мне казалось.

Я убрала телефон и пошла к воротам.

Впервые за десять лет мне пришла в голову мысль, которую я раньше не позволяла себе даже сформулировать:

А что, если Максим исчез не потому, что перестал меня любить?

И что, если человек, который помог мне пережить его предательство, знал об этом с самого начала?

Глава 2

Глава 2. Чужая свадьба

Виктория всегда умела появляться именно тогда, когда я меньше всего хотела её видеть.

В двадцать лет она приходила ко мне без предупреждения, забиралась на кровать с ногами и объявляла, что мы обязаны немедленно куда-нибудь пойти, потому что жизнь слишком коротка для плохого настроения.

В двадцать три она приехала ко мне ночью, когда Максим исчез, обняла меня и сказала, что никогда не позволит никому причинить мне такую боль.

А через три года вышла за него замуж.

Теперь ей понадобилось меньше часа, чтобы узнать о моём возвращении.

Я стояла у могилы бабушки, слушала, как священник произносит последние слова, и старалась не смотреть на телефон. Сообщение Виктории всё ещё было перед глазами.

«Алис, я слышала, что ты приехала. Мне очень жаль насчёт бабушки. Позвони, когда сможешь. Нам нужно увидеться».

Мы не разговаривали почти четыре года.

Последний раз я слышала её голос в день, когда случайно увидела свадебные фотографии в интернете. Белое платье, цветы, улыбки, Максим в чёрном костюме. Виктория держа-

ла его за руку так, словно всегда принадлежала ему.

Я тогда закрыла страницу и выключила телефон.

На следующий день она позвонила.

Я не ответила.

Она написала длинное сообщение, в котором говорила, что не хотела меня ранить, что всё произошло не так, как я думаю, что она надеется когда-нибудь объяснить мне свои поступки.

Я удалила сообщение, не дочитав до конца.

С тех пор мы обе делали вид, что другой не существует.

И вот теперь она снова появилась в моей жизни.

Когда люди начали расходиться с кладбища, ко мне подошла пожилая женщина в тёмном пальто. Я узнала соседку бабушки, тётю Нину. Она помогала нам с организацией похорон и всё утро держалась рядом, словно боялась, что я не выдержу.

— Ты сегодня у бабушки останешься? — спросила она.

— Да. Пока не знаю, что буду делать дальше.

Тётя Нина посмотрела на меня с каким-то странным выражением.

— Правильно. Дому нужен человек.

— Вы о чём?

Она замялась.

— Да так. Последнее время твоя бабушка всё переживала. Говорила, что ты должна приехать.

— Она мне не говорила, что собирается умирать.

Тётя Нина отвела глаза.

— Она много чего не говорила.

Мне не понравился её тон.

— Например?

— Не здесь, Алис. Не сегодня.

Она поправила воротник и поспешила к выходу, оставив меня с ощущением, что все вокруг знают какую-то историю, в которой мне отвели главную роль, но забыли выдать сценарий.

Я достала телефон.

На экране появилось уведомление о новом сообщении от Максима.

«Пожалуйста, ответь. Это важно».

Я заблокировала экран.

Нет.

Не сейчас.

Я приехала похоронить бабушку. Я не собиралась превращать её последние дни в очередную историю о мужчине, который не сумел объяснить, почему однажды решил выбросить меня из своей жизни.

Но когда я вышла за ворота кладбища, то увидела Викторию.

Она стояла у чёрного автомобиля, держа в руках букет белых роз. На ней было светлое пальто, волосы собраны в небрежный пучок, на лице почти не осталось косметики. Она выглядела старше, чем на фотографиях, но не так, как

я представляла.

Я думала, что буду ненавидеть её.

Вместо этого почувствовала усталость.

Виктория заметила меня и сделала несколько шагов навстречу.

— Алис.

Она произнесла моё имя так, будто мы расстались вчера, а не несколько лет назад.

— Вика.

Мы остановились друг напротив друга.

Я не знала, что принято говорить в таких случаях. «Как дела?» звучало бы издевательством. «Ты хорошо выглядишь» — ложью. «Как поживает мой бывший жених?» — слишком прямолинейно, даже для меня.

Поэтому я промолчала.

Виктория посмотрела на букет в своих руках.

— Я не знала, какие цветы любила твоя бабушка. Поэтому взяла белые розы.

— Она любила пионы.

— Я помню.

— Нет, — сказала я. — Не помнишь.

Она подняла глаза.

На секунду мне показалось, что сейчас Виктория ответит что-то резкое. Раньше она никогда не позволяла мне говорить с ней таким тоном. Мы могли спорить часами, но между нами всегда существовало негласное правило: если одной

больно, другая отступает.

Теперь это правило больше не действовало.

— Я понимаю, что ты злишься, — тихо произнесла она.

— Ты ничего не понимаешь.

— Наверное, ты права.

Её спокойствие раздражало сильнее, чем оправдания.

Я посмотрела на её левую руку.

Обручальное кольцо было на месте.

Маленькое, с тонкой дорожкой камней. На фотографиях оно казалось крупнее. Я помнила, как когда-то мы вместе ходили по ювелирным магазинам, выбирая украшения, которые собирались носить после свадьбы. Виктория тогда шутила, что никогда не выйдет замуж за мужчину, который не сможет отличить золото от бижутерии.

Максим всегда отличал.

— Ты приехала выразить соболезнования или убедиться, что я не собираюсь возвращаться? — спросила я.

Виктория побледнела.

— Что?

— Ты меня поняла.

— Я приехала, потому что умер человек, которого ты любила.

— Ты десять лет не интересовалась, как я живу. И вдруг узнала, что я вернулась, и сразу приехала.

— Я узнала утром.

— От кого?

Она замолчала.

Это была короткая пауза. Почти незаметная. Но я слишком хорошо знала Викторию, чтобы не обратить на неё внимания.

— От кого, Вика?

— От Нины Павловны.

— Соседки моей бабушки?

— Да.

Я кивнула, хотя не поверила ей.

Тётя Нина действительно могла сообщить Виктории о моём приезде. Но почему тогда сама Виктория написала мне ещё до похорон? И откуда она знала, что я уже в городе?

Впрочем, сейчас мне не хотелось устраивать допрос.

— Спасибо за цветы, — сказала я. — Мне пора.

Я обошла её, но Виктория схватила меня за руку.

— Подожди.

Я посмотрела на её пальцы.

Она тут же отпустила меня.

— Нам нужно поговорить.

— О чём?

— О многом.

— Например?

Она оглянулась на кладбищенские ворота, словно опасалась, что нас кто-то услышит.

— Не здесь.

Я усмехнулась.

— Знаешь, сколько раз я представляла, что ты однажды придёшь ко мне и скажешь, что всё это время хотела объясниться? Я думала, что буду кричать. Может быть, даже ударю тебя. А потом ты расскажешь мне какую-нибудь ужасную правду, и я пойму, что была неправа.

— Алис…

— Но знаешь, что самое неприятное? Мне больше неинтересно, что ты скажешь.

Это была ложь.

Я хотела знать всё.

Почему Максим исчез. Почему Виктория вышла за него замуж. Почему ни один из них не попытался объясниться со мной по-настоящему.

Но я не собиралась позволять ей увидеть это.

Виктория медленно выдохнула.

— Он написал тебе?

Мир словно на секунду остановился.

Я посмотрела на неё.

— Кто?

Она не ответила.

— Ты спросила, написал ли мне Максим?

Виктория сжала букет так сильно, что несколько лепестков упали на асфальт.

— Я просто хочу знать.

— Зачем?

— Потому что тебе не нужно с ним разговаривать.

Я почувствовала, как внутри поднимается холодная злость.

— Ты серьёзно? Ты приехала на похороны моей бабушки, чтобы объяснить мне, с кем мне можно разговаривать?

— Я не это имела в виду.

— А что ты имела в виду?

Виктория посмотрела мне прямо в глаза.

— Максим не тот человек, которого ты помнишь.

Я невольно усмехнулась.

— Уверена, ты знаешь его лучше меня.

— Нет. — Она покачала головой. — Именно поэтому я тебя и прошу.

— О чём?

— Не встречайся с ним.

Я молчала.

За её спиной проехала машина. Где-то неподалёку хлопнула дверь. Мир продолжал жить своей обычной жизнью, а я пыталась понять, почему женщина, которая десять лет назад заняла моё место, теперь просит меня держаться подальше от собственного мужа.

— Ты боишься, что я уведу его у тебя? — спросила я наконец.

Виктория вздрогнула, словно я ударила её.

— Нет.

— Тогда чего ты боишься?

Она открыла рот, но так и не ответила.

И в этот момент я впервые увидела её такой, какой никогда не видела раньше.

Не уверенной в себе красавицей, которая всегда знала, чего хочет.

Не подругой, которая утешала меня после расставания.

Не женщиной, которая вышла замуж за моего бывшего жениха.

А человеком, который действительно чего-то боялся.

— Я должна идти, — сказала Виктория.

— Конечно.

Она развернулась, но через несколько шагов остановилась.

— Алиса?

— Что?

— Ты ведь ничего не помнишь?

Я почувствовала, как сердце ударилось о рёбра.

— Что именно?

Виктория долго смотрела на меня.

Потом покачала головой.

— Ничего. Забудь.

Она села в машину и уехала.

Я осталась стоять у ворот кладбища, пока её автомобиль не исчез за поворотом.

«Ты ведь ничего не помнишь?»

Эти слова не выходили у меня из головы.

Я пыталась найти объяснение. Может быть, она имела в

виду наш последний разговор с Максимом. Или тот вечер, когда мы поссорились перед свадьбой. Но я прекрасно помнила, как он пришёл ко мне, как мы говорили на кухне, как он обещал, что всё будет хорошо.

По крайней мере, я думала, что помню.

Я достала телефон и открыла переписку с Максимом.

Его последнее сообщение всё ещё ждало ответа.

«Пожалуйста, ответь. Это важно».

Я набрала:

«Виктория только что сказала мне, чтобы я с тобой не встречалась».

Отправила.

Ответ пришёл почти мгновенно.

«Она уже была у тебя?»

Я нахмурилась.

«Да».

На этот раз Максим печатал долго.

Появлялось уведомление, исчезало, появлялось снова.

Наконец пришло сообщение.

«Тогда у нас меньше времени, чем я думал».

Я перечитала его дважды.

«Для чего?»

Ответа не было.

Я позвонила ему.

Гудки шли один за другим. На пятом вызов сбросили.

Через несколько секунд телефон завибрировал.

Новое сообщение.

«Не звони мне. И не говори Виктории, что мы переписываемся».

Я почувствовала, как злость уступает место тревоге.

«Ты сам мне написал».

«Я знаю».

«Тогда объясни, что происходит».

Он долго не отвечал.

Я уже решила, что разговор окончен, когда на экране появилось последнее сообщение:

«Посмотри фотографии, которые оставила бабушка. Особенно те, что сделаны в июне десять лет назад».

Я замерла.

В июне.

За две недели до нашей свадьбы.

Я медленно убрала телефон в карман и посмотрела в сторону города.

Мне вдруг захотелось вернуться в бабушкин дом, вытащить все альбомы из комода и рассматривать каждый снимок до тех пор, пока не найду ответ.

Но прежде чем я успела сделать шаг, пришло ещё одно сообщение.

На этот раз от Виктории.

«Алис, пожалуйста. Если Максим уже связался с тобой, не верь всему, что он расскажет. Он не единственный, кто умеет лгать».

Я стояла посреди тротуара и смотрела на экран.

Два человека.

Два предупреждения.

И ни одного объяснения.

Я всегда считала, что предательство — это когда кто-то сознательно причиняет тебе боль.

Но теперь мне начинало казаться, что самое страшное предательство — это когда люди годами решают за тебя, какую правду ты имеешь право знать.

Я поймала такси и назвала адрес бабушкиного дома.

Мне нужно было найти фотографии.

И я собиралась начать с четырнадцатого июня.

Глава 3

Глава 3. Четырнадцатое июня

Дом встретил меня тишиной.

После встречи с Викторией мне казалось, что я не смогу спокойно находиться в этих комнатах. Слишком много вопросов осталось без ответа. Слишком много слов было сказано так, словно каждый из них знал продолжение истории, а я одна пропустила начало.

Я бросила сумку на диван, сняла пальто и сразу направилась к комоду.

Фотографии лежали там же, где я их оставила. Альбомы, перевязанные выцветшей лентой, несколько конвертов, пожелтевшие снимки без подписей. Я вытащила всё на пол и села рядом.

«Особенно те, что сделаны в июне десять лет назад».

Слова Максима не выходили у меня из головы.

Почему именно июнь? Почему он решил, что бабушкины фотографии помогут мне разобраться в том, что произошло между нами?

Я достала первый альбом.

На обложке бабушкиным почерком было выведено: «Лето».

Внутри оказались фотографии с дачи, семейных праздников и поездок к родственникам. Я листала страницы, почти

не задерживая взгляд, пока не дошла до снимков, сделанных перед нашей свадьбой.

Вот я с букетом ромашек у старого забора.

Вот Максим, щурящийся на солнце.

Вот Виктория в белой блузке, смеющаяся над чем-то за кадром.

Я остановилась.

На фотографии Максим стоял рядом со мной, но смотрел не на меня. Его взгляд был направлен куда-то в сторону, туда, где, судя по краю кадра, находился человек, державший фотоаппарат.

Тогда я не обратила бы на это внимания.

Теперь мне казалось, что он смотрит на кого-то, кого не хотел видеть.

Я перевернула снимок.

На обороте стояла дата: 14 июня.

Та же самая, что была на фотографии Виктории.

Я положила снимки рядом.

На одном Виктория улыбалась в камеру. На другом Максим смотрел в сторону. Оба были сделаны в один день, но фон отличался: Виктория стояла у деревянного крыльца, а Максим — возле старой яблони.

Я попыталась вспомнить, где мы тогда были.

Дача принадлежала знакомым бабушки. Мы часто приезжали туда летом, но именно тот день я помнила плохо. Казалось, он растворился среди десятков похожих дней: жара,

запах травы, дешёвое вино, музыка из старого магнитофона.

И ещё — разговор.

Я помнила, как Максим попросил меня выйти с ним во двор. Помнила, что он выглядел напряжённым. Помнила, что спросила, что случилось.

А дальше в памяти зиял провал.

Не полный. Скорее, несколько разрозненных картинок.

Открытая дверь.

Чужой голос.

Максим, стоящий ко мне спиной.

И мои собственные слова:

«Я не хочу этого знать».

Я закрыла глаза.

Нет.

Я не могла забыть такой разговор. Если бы произошло что-то серьёзное, я бы запомнила.

Я всегда считала себя человеком с хорошей памятью. Помнила лица, даты, разговоры. Именно поэтому стала фотографом: мне нравилось ловить мгновения, которые другие не замечали.

Но с тем летом было что-то не так.

Я достала следующий снимок.

На нём мы с Максимом стояли у реки. Он обнимал меня за плечи, а я держала в руках бумажный стаканчик с кофе. На заднем плане виднелась Виктория.

Она стояла одна.

Я приблизила фотографию к настольной лампе.

Виктория смотрела прямо на нас.

Не улыбалась. Не отворачивалась. Просто смотрела.

Я помнила этот день. Мы гуляли втроём, потом Виктория сказала, что ей нужно уйти по делам. Максим проводил её до остановки, а потом мы остались вдвоём.

Ничего необычного.

Но на обороте снимка было написано:

«Не показывать Алисе».

Я несколько секунд смотрела на надпись, не в силах пошевелиться.

Почерк был бабушкин.

Я перевернула фотографию снова, словно от этого слова могли исчезнуть.

Не показывать Алисе.

Почему бабушка хранила снимок, который нельзя было показывать мне? Почему вообще делала пометки на фотографиях, связанных с Максимом и Викторией?

Я поднялась и прошла на кухню. Налила воды, выпила половину стакана и поставила его на стол.

Мне нужно было успокоиться.

Я могла придумать десятки объяснений. Возможно, бабушка просто не хотела, чтобы я вспоминала Максима после расставания. Возможно, она знала о его свадьбе с Викторией и боялась, что фотографии причинят мне боль.

Но тогда зачем она написала письмо?

«Не ищи виноватых, пока не узнаешь, что именно произошло».

Эта фраза не была похожа на бабушку. Она никогда не говорила загадками. Если считала кого-то виноватым, говорила об этом прямо.

Я вернулась в гостиную и достала из конверта остальные снимки.

И тогда увидела его.

Небольшая фотография, почти полностью закрытая другими. На ней был изображён стол на веранде. Три чашки, тарелка с остатками пирога, открытая пачка сигарет.

Ничего особенного.

Но на краю стола лежал мой телефон.

Старый, с треснувшим углом экрана.

Я узнала его сразу.

Это был телефон, который я потеряла летом перед свадьбой.

Тогда я искала его несколько дней, а потом решила, что оставила в такси. Максим помог мне восстановить номер, и вскоре я купила новый аппарат. Старый больше никогда не появлялся.

Я перевернула фотографию.

На обороте стояла дата: 14 июня.

И ещё одна надпись:

«После разговора».

У меня пересохло во рту.

После какого разговора?

Я всматривалась в снимок, пытаясь найти хоть одну деталь, которая помогла бы восстановить события. На заднем плане виднелась дверь в дом. Возле неё стоял силуэт человека, почти полностью скрытый тенью.

Лица не было видно.

Но на руке блестело кольцо.

Я достала телефон и сфотографировала снимок, чтобы увеличить изображение.

Кольцо было тонким, с небольшим камнем.

Я знала это кольцо.

Виктория носила его ещё до того, как вышла замуж за Максима. Когда-то она говорила, что это подарок матери и что никогда его не снимет.

Я положила фотографию на стол.

Если Виктория была там после разговора, значит, она знала, что произошло.

И, возможно, была рядом, когда я потеряла телефон.

Но почему она никогда не рассказывала об этом дне?

Телефон завибрировал.

Я вздрогнула так сильно, что задела локтем чашку. Вода пролилась на стол, но я даже не заметила.

На экране высветилось имя Максима.

Я долго смотрела на него, прежде чем ответить.

— Что ты хочешь? — спросила я.

На другом конце было тихо.

— Ты нашла фотографии?

— Нашла.

— Какие именно?

— Те, о которых ты просил.

Он медленно выдохнул.

— Ты видела снимок с телефоном?

Я перестала двигаться.

— Откуда ты знаешь про телефон?

— Алиса…

— Нет. Ответь на вопрос.

Он молчал.

И в этой тишине я вдруг услышала то, чего не замечала раньше: он боялся не моего гнева. Он боялся того, что я могу вспомнить.

— Ты был там четырнадцатого июня? — спросила я.

— Да.

— Виктория тоже?

— Да.

Я закрыла глаза.

— Что произошло в тот день?

— Я не могу объяснить тебе это по телефону.

— Ты уже десять лет не можешь мне ничего объяснить!

Голос сорвался. Я ненавидела себя за это, но остановиться не могла.

— Ты исчез, Максим. Ты бросил меня перед свадьбой. Ты женился на моей лучшей подруге. А теперь появляешься и

говоришь загадками, будто я обязана бросить всё и бежать разбираться в твоих проблемах.

— Я не прошу тебя возвращаться ко мне.

— Тогда чего ты хочешь?

— Чтобы ты вспомнила.

Я засмеялась. Коротко, без радости.

— Что именно? Как ты обещал любить меня всю жизнь? Или как написал, что я не должна тебя искать?

— Я не писал тебе это сообщение.

Я замолчала.

На секунду мне показалось, что я ослышалась.

— Что?

— Я не писал тебе сообщение, которое ты получила перед свадьбой.

Я почувствовала, как холодеют пальцы.

— Оно пришло с твоего номера.

— Я знаю.

— Я видела его своими глазами.

— Я знаю, Алиса.

— Ты хочешь сказать, что кто-то взял твой телефон и написал мне?

— Я хочу сказать, что ты должна посмотреть на дату.

Я открыла старую переписку.

Она сохранилась в резервной копии, которую я когда-то перенесла на новый телефон. Я почти никогда не заходила туда. Не хотела снова видеть последние сообщения.

Нашла нужный день.

Двадцать восьмое июня.

Сообщение было отправлено в 10:14 утра.

«Прости. Я не могу на тебе жениться. Не ищи меня. Так будет лучше для нас обоих».

Я смотрела на него, пока слова не начали расплываться.

— Что не так с датой? — спросила я.

— Я был уверен, что сообщение отправили вечером двадцать седьмого.

— Какая разница?

— Большая.

Я ждала.

— Алиса, — произнёс Максим, — я уехал из города двадцать седьмого июня. В десять вечера. К тому времени твой телефон уже был у меня.

Я посмотрела на фотографию.

На старый телефон, лежавший на столе четырнадцатого июня.

— Ты забрал мой телефон?

— Нет.

— Тогда почему он был у тебя?

— Я не знаю, кто положил его на стол. Но знаю, что в тот день ты попросила меня забрать его и никому не отдавать.

Я вцепилась в край стола.

— Я никогда тебя об этом не просила.

— Возможно.

— Не говори со мной так, будто я сумасшедшая!

— Я не считаю тебя сумасшедшей.

— Тогда объясни!

Он долго молчал.

Когда заговорил снова, его голос стал тише.

— Потому что, если я расскажу тебе всё сейчас, ты не поверишь мне. И, возможно, будешь права.

Я почувствовала, что больше не могу выдерживать этот разговор.

— Знаешь что? Мне всё равно, что произошло десять лет назад. Мне всё равно, кто отправил сообщение. У тебя была возможность прийти ко мне, посмотреть мне в глаза и объяснить всё. Ты этого не сделал.

— Я знаю.

— И теперь ты опоздал.

— Возможно.

Я закрыла глаза.

— Больше не звони мне.

— Алиса, подожди.

Я сбросила вызов.

Несколько секунд я просто стояла посреди кухни, глядя на выключенный экран.

Потом вернулась к фотографиям.

Мне хотелось убрать их обратно в ящик, забыть об этом разговоре и уехать из города как можно скорее. Но взгляд снова упал на снимок с телефоном.

На этот раз я заметила деталь, которую раньше пропустила.

Рядом с аппаратом лежал лист бумаги.

Большая часть была скрыта под чашкой. Виднелся только край и несколько букв, написанных от руки.

Я осторожно увеличила изображение.

«…если она спросит, скажи, что ничего не помнишь».

Я перечитала фразу.

Потом ещё раз.

Кто-то написал эти слова четырнадцатого июня.

За две недели до моей свадьбы.

Я не знала, кто именно. Не знала, кому они предназначались. И не знала, почему бабушка сохранила эту фотографию.

Но теперь я была уверена в одном.

Десять лет назад кто-то очень хотел, чтобы я забыла определённый разговор.

И, судя по всему, у него получилось.

Я собрала фотографии и разложила их по датам. Потом открыла ноутбук, перенесла увеличенный снимок и стала рассматривать его на большом экране.

Человек у двери по-прежнему оставался тенью.

Но на отражении в оконном стекле можно было различить лицо.

Женское.

Я увеличила изображение ещё сильнее.

И узнала себя.

На фотографии я стояла у двери и смотрела прямо в камеру.

На мне было то самое платье, которое я надевала на дачу четырнадцатого июня.

Я помнила это платье.

Помнила день.

Помнила, как мы с Максимом приехали туда утром.

Но я совершенно не помнила, чтобы кто-то фотографировал меня в тот момент.

Я откинулась на спинку стула.

На часах было почти одиннадцать вечера.

В доме было тихо. Только старые часы в гостиной отсчитывали секунды.

Я открыла переписку с Викторией и набрала сообщение:

«Что произошло четырнадцатого июня десять лет назад?»

Долго смотрела на экран.

Потом отправила.

Ответ пришёл через минуту.

«Алиса, пожалуйста, не надо».

Я почувствовала, как сердце пропустило удар.

Я не успела написать ничего в ответ, когда пришло второе сообщение.

«Ты обещала, что больше никогда не будешь об этом спрашивать».

Я медленно опустила телефон на стол.

За окном качались ветки старой яблони. Где-то в соседнем доме хлопнула дверь.

Я сидела в пустой кухне и пыталась вспомнить, когда именно могла дать такое обещание.

И впервые за десять лет мне стало по-настоящему страшно от мысли, что я могу не знать собственной истории.

Глава 4

Глава 4. Последний звонок

Я не спала до четырёх утра.

Каждый раз, когда закрывала глаза, передо мной появлялась одна и та же фотография: старая веранда, три чашки на столе, мой потерянный телефон и женщина в дверном проёме, смотревшая прямо в камеру.

Я.

Хуже всего было даже не то, что я не помнила этого момента. Хуже было другое: я не могла понять, почему собственное лицо на фотографии казалось мне чужим.

В пять утра я всё-таки задремала на диване в гостиной, накрывшись бабушкиным пледом. Проснулась от звука уведомления.

Сначала решила, что мне приснилось.

Потом увидела телефон на полу рядом с диваном.

Новое сообщение от Виктории.

«Пожалуйста, не звони мне сегодня. Мне нужно подумать».

Я перечитала его несколько раз.

Ни приветствия. Ни объяснения. Только просьба, которая звучала почти как приказ.

Я открыла нашу переписку.

Вчерашнее сообщение всё ещё стояло последним:

«Ты обещала, что больше никогда не будешь об этом спрашивать».

Я набрала:

«Что именно я обещала?»

Палец завис над кнопкой отправки.

Я представила Викторию в её идеальном доме, рядом с Максимом, с их общими фотографиями на стенах и свадебным снимком в серебряной рамке. Представила, как она читает моё сообщение и решает, какую часть правды мне можно сообщить.

Я стёрла текст.

Вместо этого написала:

«Я хочу встретиться».

Ответ пришёл почти сразу.

«Не сейчас».

Я усмехнулась.

Конечно.

Десять лет назад у неё тоже было много причин, почему не сейчас.

Я поднялась, умылась холодной водой и приготовила кофе. Бабушкина кофемашина не работала, поэтому пришлось пользоваться старой туркой. Пока вода нагревалась, я открыла ноутбук и нашла фотографии, которые сделала ночью.

На увеличенном снимке можно было различить больше деталей.

На столе лежал мой телефон. Рядом — лист бумаги. На

другом краю фотографии виднелась чья-то рука.

Я увеличила изображение.

На пальце было кольцо.

Не обручальное. Тонкое, с маленьким тёмным камнем.

Я вспомнила, что видела его раньше, но не могла понять где.

Открыла фотографии Виктории в социальных сетях. Просмотрела снимки за последние несколько лет. На некоторых она была без украшений, на других носила обручальное кольцо и часы.

Ничего похожего.

Я уже собиралась закрыть страницу, когда заметила старую фотографию, опубликованную почти одиннадцать лет назад. Виктория стояла на фоне университета, держа в руках стакан кофе. На её правой руке блестело кольцо с тёмным камнем.

Я приблизила изображение.

То самое.

Я откинулась на спинку стула.

Значит, на фотографии была Виктория.

Но почему она стояла у двери и смотрела на меня так, словно знала, что её снимают?

Я открыла телефон и снова набрала номер Максима.

Он не отвечал.

Я попробовала ещё раз.

На четвёртом гудке вызов сбросили.

Через несколько секунд пришло сообщение.

«Я просил тебя не звонить».

Я ответила:

«Тогда перестань писать мне загадками».

Он прочитал сообщение, но ничего не ответил.

Я почувствовала знакомое раздражение. Максим всегда умел заставить меня ждать. В университете мог опоздать на полчаса, а потом появиться с кофе и улыбкой, от которой я забывала, что собиралась его отругать. Перед свадьбой он стал другим: молчаливым, нервным, отстранённым. Я списывала это на стресс.

Теперь я вспоминала те дни и понимала, что не замечала слишком многого.

Я открыла календарь на ноутбуке и стала восстанавливать события июня.

Четырнадцатое июня — поездка на дачу.

Пятнадцатое — встреча с организатором свадьбы.

Семнадцатое — примерка платья.

Двадцатое — ужин у родителей Максима.

Двадцать седьмое — его исчезновение.

Двадцать восьмое — сообщение о разрыве.

Я задержала взгляд на последней дате.

Двадцать восьмое июня.

В тот день я проснулась рано. Помню, что за окном шёл дождь. Я позвонила Максиму, но он не ответил. Потом получила сообщение. Потом позвонила ещё раз. Его телефон

был выключен.

Я плакала на кухне до вечера.

Виктория приехала ко мне с продуктами и осталась на ночь. Она сказала, что Максим испугался свадьбы, что мужчинам иногда нужно время, чтобы понять, чего они хотят.

Я помнила, как она обнимала меня.

Помнила её тёплую ладонь на моей спине.

И только теперь задумалась: почему она приехала так быстро?

Кто ей сказал, что Максим исчез?

Я набрала её номер.

На этот раз она ответила.

— Алиса, я же просила…

— Кто сообщил тебе, что Максим исчез?

На другом конце повисла тишина.

— Что?

— Десять лет назад. Двадцать восьмого июня. Я получила сообщение от Максима, потом позвонила тебе. Ты приехала почти сразу. Кто тебе сказал, что он ушёл?

— Ты сама мне позвонила.

— Нет. Я сначала получила сообщение, а потом позвонила тебе.

— И что?

— Ты уже знала, что произошло.

Виктория тяжело вздохнула.

— Алис, ты сейчас пытаешься найти какую-то тайну там,

где её нет.

— Тогда ответь на вопрос.

— Я не помню.

Я закрыла глаза.

— Ты не помнишь?

— Это было десять лет назад.

— Ты помнишь, что я обещала больше никогда не спрашивать об этом. Помнишь, что я говорила, помнишь, что произошло на даче. Но не помнишь, кто сообщил тебе о том, что мой жених исчез?

— Не надо так со мной разговаривать.

— А как мне с тобой разговаривать, Вика? Как с лучшей подругой? Или как с женщиной, которая вышла замуж за моего бывшего жениха и теперь боится, что я вспомню что-то неприятное?

Она молчала.

Потом тихо сказала:

— Ты не понимаешь, о чём просишь.

— Тогда объясни.

— Я не могу.

— Или не хочешь?

— Алиса, послушай меня. Я не знаю, что Максим тебе наговорил, но не делай того, о чём потом пожалеешь.

— Что именно я могу сделать?

— Вспомнить.

Она произнесла это слово так тихо, что я сначала решила,

будто ослышалась.

— Что?

— Ничего. Мне пора.

— Вика!

Но она уже отключилась.

Я ещё несколько секунд держала телефон у уха.

Потом медленно опустила руку.

Всё больше людей говорили мне, что я должна что-то вспомнить. Максим, Виктория, даже бабушка в своём письме.

Но никто не объяснял, что именно.

Я вернулась к ноутбуку и снова открыла фотографию с верандой. На этот раз я заметила ещё одну деталь: на заднем плане, возле окна, стояла старая настольная лампа. Такая же, как у бабушки дома.

Я увеличила снимок.

На стекле отражалась часть комнаты. За столом сидел мужчина.

Его лицо было скрыто, но я узнала часы на запястье.

Такие часы Максим носил много лет. Серебристый браслет, чёрный циферблат, маленькая царапина возле застёжки.

Я посмотрела на фотографию и почувствовала, как внутри всё сжалось.

Если Максим был на даче, если Виктория была там, если я сама стояла в дверях, значит, тот день был гораздо важнее, чем я помнила.

Я уже собиралась закрыть ноутбук, когда телефон зазвонил.

Не сообщение.

Звонок.

На экране высветилось имя Максима.

Я ответила сразу.

— Что случилось?

Сначала я услышала только дыхание.

— Максим?

— Алиса, — произнёс он наконец. Голос был странным, словно он говорил через силу. — Ты дома?

— Да. Что происходит?

— Хорошо. Слушай меня внимательно.

Я встала.

— Ты меня пугаешь.

— Я не хотел, чтобы ты узнала всё так.

— Что узнала?

На другом конце послышался какой-то шум. Глухой удар, затем шаги.

— Максим, где ты?

— Неважно.

— Как это неважно? Ты сам мне звонишь и…

— Алиса, ты должна кое-что сделать.

Я почувствовала, как по спине пробежал холод.

— Что?

— Найди бабушкино письмо. Прочитай его ещё раз.

— Я уже читала.

— Нет. Ты не поняла.

— Что я должна понять?

Он замолчал.

Потом сказал:

— Посмотри, есть ли на конверте дата.

Я бросилась к комоду, где оставила письмо.

— Сейчас.

Конверт лежал на месте. Я вынула листок, перевернула конверт и увидела в нижнем углу маленькую надпись, которую раньше не заметила.

14.06.

Я застыла.

— Здесь дата. Четырнадцатое июня.

На другом конце послышался резкий вдох.

— Значит, она всё-таки оставила его.

— Кто? Бабушка?

— Алиса, я…

Внезапно раздался громкий треск.

Я отпрянула от телефона.

— Максим!

Он что-то сказал, но я не разобрала слов.

Потом услышала звук, похожий на падающий предмет, и короткий стон.

— Максим! Что происходит?

Несколько секунд была тишина.

А затем он заговорил снова. Очень тихо.

— Если со мной что-нибудь случится, не верь ей.

Я сжала телефон.

— Кому? Виктории?

Он не ответил.

— Максим, кому не верить?

На другом конце раздался шум, словно телефон выскользнул из руки и упал на пол.

Потом звонок оборвался.

Я несколько секунд смотрела на экран.

Пыталась перезвонить.

Телефон был недоступен.

Я набрала ещё раз.

И ещё.

Наконец пришло сообщение с незнакомого номера.

«Не приезжай к нему. Что бы ты ни услышала, не приезжай».

Я перечитала его.

Потом посмотрела на дату на конверте.

14 июня.

На старую фотографию.

На бабушкино письмо.

Все эти вещи были связаны между собой. Я уже не могла отрицать этого.

Я схватила куртку и сумку.

Не знала, куда ехать. Не знала, кто отправил сообщение.

Не знала, что случилось с Максимом.

Но я точно знала, что не собираюсь снова ждать десять лет, пока кто-нибудь решит, какую правду мне позволено узнать.

Когда я вышла на улицу, телефон снова завибрировал.

Сообщение от Виктории.

«Алиса, пожалуйста, скажи, что ты не собираешься к нему».

Я остановилась у калитки.

Посмотрела на экран.

И впервые за всё это время ответила ей честно.

«Я уже еду».

Отправила сообщение, поймала такси и назвала адрес загородного дома Максима.

Я не знала, что найду там.

Но когда машина выехала на трассу, мне вдруг вспомнились слова, написанные на старой фотографии:

«Если она спросит, скажи, что ничего не помнишь».

Я посмотрела в окно.

Впервые мне пришло в голову, что эти слова могли быть адресованы не Виктории.

Возможно, они предназначались мне.

Глава 5

Глава 5. Дом, в котором никто не ждал

Я всегда думала, что страх ощущается иначе.

В кино люди кричат, бегут, роняют ключи и постоянно оглядываются. В книгах сердце у героев колотится так сильно, что они слышат его удары. Я же представляла, что в настоящей опасности человек должен чувствовать что-то большое и понятное — ужас, панику, отчаяние.

Но пока такси везло меня к загородному дому Максима, я думала о совершенно глупых вещах.

О том, что не выключила свет на кухне.

О том, что оставила бабушкино письмо на столе.

О том, что не взяла зарядное устройство.

И о том, что Максим так и не объяснил, почему на конверте стояла дата четырнадцатого июня.

Я снова позвонила ему.

Телефон был недоступен.

— Вы уверены, что туда можно проехать? — спросил водитель, сверившись с навигатором.

— Да.

Я не была уверена.

Я последний раз приезжала в этот дом семь лет назад. Тогда Максим и Виктория только поженились и устроили небольшой праздник для друзей. Меня, разумеется, не при-

гласили. Я узнала о вечеринке случайно, увидев фотографии в социальных сетях.

Дом стоял за городом, в небольшом посёлке среди сосен. Дорога туда была узкой, местами разбитой, а по обеим сторонам тянулись высокие заборы.

Когда-то Максим мечтал построить здесь дом для нашей семьи.

Он показывал мне участок, рассказывал, где будет терраса, где мы посадим яблони и где поставим кресло, в котором я буду читать по вечерам.

Я смеялась и говорила, что сначала нам нужно научиться оплачивать счета за квартиру.

Он отвечал, что однажды мы будем вспоминать об этом времени с улыбкой.

Теперь в доме жили он и Виктория.

Я посмотрела на освещённые окна и почувствовала знакомую боль. Она была не такой острой, как десять лет назад, но никуда не исчезла. Просто научилась прятаться глубже.

— Приехали, — сказал водитель.

Я расплатилась и вышла.

У ворот стоял чёрный внедорожник. На крыльце горел свет, но во дворе никого не было.

Я подошла к калитке и нажала кнопку звонка.

Ничего.

Нажала ещё раз.

За дверью послышался звук шагов, потом щёлкнул замок.

На пороге стоял незнакомый мужчина в домашней футболке и спортивных брюках. Он был примерно моего возраста, с короткими тёмными волосами и усталым лицом.

— Вы к кому?

— К Максиму Орлову.

Мужчина внимательно посмотрел на меня.

— Вы Алиса?

Я насторожилась.

— Да. А вы кто?

Он помедлил.

— Андрей. Друг Максима.

Я не помнила, чтобы Максим когда-нибудь упоминал Андрея.

— Где он?

Мужчина отвёл взгляд.

— Его увезли.

У меня похолодели руки.

— Куда?

— В больницу.

Я ухватилась за дверной косяк.

— Что с ним случилось?

— Пока точно не знаем.

— Как это не знаете? Вы здесь были?

— Я приехал после звонка.

— Какого звонка?

Андрей посмотрел на меня так, словно уже пожалел, что

открыл дверь.

— Максим позвонил мне вечером. Сказал, что ему нехорошо. Когда я приехал, он лежал на полу в гостиной.

— Он был в сознании?

— На несколько секунд. Потом перестал отвечать.

Я попыталась собраться с мыслями.

— Вы вызвали скорую?

— Конечно.

— А полиция?

Андрей нахмурился.

— Зачем полиция?

Я посмотрела на него.

— Я не знаю. Может быть, потому что взрослого мужчину нашли без сознания в собственном доме?

Он не ответил.

В этот момент я заметила за его спиной женщину.

Виктория стояла в коридоре, бледная, с распущенными волосами и в той же одежде, в которой была днём на кладбище. Только пальто она сняла. На рукаве блузки темнело пятно.

Она посмотрела на меня.

— Что ты здесь делаешь?

Я не сразу нашлась с ответом.

— Максим позвонил мне.

Виктория побледнела ещё сильнее.

— Когда?

— Несколько минут назад. Он сказал, что со мной должен поговорить.

Она закрыла глаза.

— Господи.

— Что?

— Ничего.

Я шагнула в дом.

— Я хочу знать, что произошло.

— Сейчас не время, Алиса.

— А когда будет время? Когда он очнётся? Или когда ты решишь, что мне можно рассказать?

Виктория посмотрела на Андрея.

Тот молча отступил в сторону.

— Пойдём на кухню, — сказала она.

— Я никуда с тобой не пойду, пока ты не ответишь на один вопрос.

— Какой?

— Ты была здесь, когда ему стало плохо?

Виктория долго молчала.

— Да.

Я почувствовала, как внутри всё сжалось.

— И ты ничего не сделала?

— Я вызвала скорую.

— Когда?

— Сразу.

— Почему тогда он звонил мне?

Она посмотрела на меня.

И я увидела в её глазах не злость, не ревность и даже не обиду.

Страх.

— Потому что он не должен был тебе звонить, — сказала она.

Я медленно покачала головой.

— Ты слышишь себя?

— Алиса, пожалуйста.

— Нет. Я больше не хочу слышать это слово. Десять лет вы оба говорите мне «пожалуйста», «потом», «не сейчас». Хватит.

Виктория отвернулась.

— Ты не знаешь, что произошло в тот день.

— Тогда расскажи.

— Я не могу.

Я рассмеялась, хотя мне совсем не было смешно.

— Конечно.

Я прошла в гостиную.

Комната была просторной, с высокими окнами и камином. На стене висела большая фотография Максима и Виктории со свадьбы. Она стояла рядом с ним в белом платье, а он смотрел на неё с выражением человека, которому повезло.

Я отвернулась.

На журнальном столике лежал раскрытый ежедневник.

Рядом стоял стакан воды, а на полу валялся телефон с разбитым экраном.

Я узнала его сразу.

Телефон Максима.

Я наклонилась, чтобы поднять его, но Виктория резко схватила меня за запястье.

— Не трогай.

Я посмотрела на её руку.

— Почему?

— Потому что это не твоё.

— А что здесь моё, Вика? Десять лет назад ты тоже решила, что мне не нужно знать правду. И теперь снова пытаешься решить за меня.

Она отпустила меня.

Я подняла телефон.

Экран не включался. На стекле была глубокая трещина, а на корпусе — свежая царапина.

— Он упал? — спросила я.

Виктория молчала.

— Я спрашиваю, он упал?

— Да.

— Откуда?

— Алиса, я не знаю.

Я посмотрела на неё.

— Ты была здесь.

— Я вышла из комнаты. Когда вернулась, он уже лежал

на полу.

— И ты не знаешь, что произошло?

— Нет.

Я хотела задать следующий вопрос, но в этот момент заметила на полу возле дивана маленький металлический предмет.

Кольцо.

Тонкое, с тёмным камнем.

Я подняла его.

Виктория резко побледнела.

— Откуда оно у тебя? — спросила она.

— Оно лежало на полу.

Она протянула руку.

— Отдай.

Я не двигалась.

— Это твоё?

— Да.

Я посмотрела на кольцо, потом на её правую руку.

На ней было обручальное кольцо, но украшения с тёмным камнем не было.

— Ты потеряла его сегодня?

— Наверное.

— Сегодня?

— Алиса, отдай мне кольцо.

Я сжала пальцы.

На старой фотографии с дачи была рука с таким же коль-

цом.

Четырнадцатое июня.

За две недели до свадьбы.

Я подняла глаза.

— Ты была там.

Виктория замерла.

— Где?

— На даче. Четырнадцатого июня. Ты была там, когда я потеряла телефон.

Она смотрела на меня, не моргая.

— Откуда ты это взяла?

— Я нашла фотографию.

— Какую фотографию?

— Не притворяйся.

Она отступила на шаг.

— Алиса, ты не понимаешь…

— Тогда объясни!

Виктория открыла рот, но в этот момент зазвонил её телефон.

Она посмотрела на экран и побледнела.

Я успела заметить имя.

Андрей.

Но Андрей стоял в коридоре.

Виктория нажала на вызов.

— Да?

Она слушала несколько секунд, затем тихо сказала:

— Нет. Она здесь.

Пауза.

— Я знаю.

Ещё пауза.

— Нет, она ничего не знает.

Она посмотрела на меня.

Я стояла в нескольких шагах от неё и слышала каждое слово.

— Да. Я всё сделаю.

Виктория отключилась.

— Кто это был? — спросила я.

— Никто.

— Ты только что разговаривала с Андреем.

Она вздрогнула.

Я посмотрела в коридор.

Мужчина стоял у входной двери, но теперь не смотрел на нас. Он изучал экран своего телефона.

Я снова посмотрела на Викторию.

— Кто из вас врёт?

Она ничего не ответила.

Внезапно в коридоре раздались шаги.

Андрей подошёл к нам и остановился у двери гостиной.

— Алиса, вам лучше уйти.

— Почему?

— Здесь больше нечего делать.

— Максим в больнице. Его жена отказывается объяснить,

что произошло. Вы оба ведёте себя так, словно я случайно оказалась в комнате, где нельзя задавать вопросы. И теперь вы хотите, чтобы я ушла?

— Да.

— Почему?

Андрей посмотрел на Викторию.

Та едва заметно покачала головой.

Но он всё равно заговорил:

— Потому что Максим уже пытался рассказать вам правду. И посмотрите, чем это закончилось.

В комнате стало тихо.

Я почувствовала, как кровь отливает от лица.

— Вы хотите сказать, что с ним что-то сделали из-за меня?

— Я ничего не хочу сказать.

— Тогда зачем вы это произнесли?

Андрей отвернулся.

Виктория подошла ко мне.

— Алиса, послушай. Я понимаю, что ты злишься. Но сейчас главное — чтобы Максим пришёл в себя. Если ты действительно хочешь ему помочь, уезжай домой и больше никому не звони.

— Кому именно?

Она молчала.

— Виктория, кому мне не нужно звонить?

Она медленно подняла на меня глаза.

— Никому, кто был с нами тем летом.

Я перестала дышать.

— С нами?

Она поняла, что сказала лишнее.

— Я не это имела в виду.

— А что ты имела в виду?

Виктория отступила.

— Уходи, Алиса.

Я посмотрела на неё, потом на Андрея, потом на кольцо в своей ладони.

Десять лет назад я думала, что потеряла Максима.

Теперь я начинала подозревать, что потеряла гораздо больше.

Я положила кольцо в карман.

— Я поеду в больницу.

— Нет, — резко сказала Виктория.

— Ты не можешь мне запретить.

— Алиса, пожалуйста.

— Перестань.

Я направилась к выходу.

Когда я проходила мимо Андрея, он наклонился ко мне и тихо произнёс:

— Если Максим очнётся, не спрашивайте его о четырнадцатом июня.

Я остановилась.

— Почему?

Андрей посмотрел мне прямо в глаза.

— Потому что в тот день он был не единственным человеком, который решил исчезнуть.

Я не успела задать вопрос.

Он открыл дверь.

Я вышла на крыльцо, спустилась по ступеням и остановилась у калитки.

Телефон завибрировал.

Сообщение с незнакомого номера.

«Ты была права. Он не должен был тебе звонить».

Я перечитала его.

Потом пришло второе:

«Теперь они знают, что ты вспомнила».

Я оглянулась на дом.

В окнах горел свет. За стеклом мелькнула тень Виктории.

Я не знала, кто отправил сообщения. Не знала, кто такие «они». И не знала, что именно я должна была вспомнить.

Но теперь у меня было кольцо, фотография и дата, которая связывала всё это воедино.

Я вызвала такси.

Мне нужно было попасть в больницу.

Потому что если Максим очнётся, я собиралась задать ему один вопрос.

Не о свадьбе.

Не о Виктории.

Не о том, почему он исчез.

Я хотела знать, почему десять лет назад он попросил меня забыть то, что произошло.

И почему теперь все вокруг так боятся, что я вспомню.

Глава 6

Глава 6. Палата номер семь

До больницы я добралась за двадцать минут.

Все это время я держала руку в кармане куртки, сжимая кольцо Виктории. Тонкая полоска металла холодила ладонь, а темный камень цеплялся за кожу. Я могла бы выбросить его в окно. Могла бы позвонить Виктории и потребовать объяснений. Но пока мне нужно было только одно: увидеть Максима.

И услышать от него правду.

У входа в приемное отделение пахло мокрым асфальтом, лекарствами и дешёвым кофе. Я подошла к стойке регистрации, назвала фамилию Орлова и приготовилась объяснять, кто я такая.

— Вы ему родственница?

— Нет. Мы… давно знакомы.

Женщина за компьютером подняла на меня усталый взгляд.

— Тогда я не могу сообщить вам информацию о его состоянии.

— Я не прошу медицинских подробностей. Мне нужно знать, где он.

— Без разрешения пациента мы не можем…

— Он может не прийти в сознание!

Последние слова вырвались громче, чем я хотела. Женщина нахмурилась и посмотрела на охранника у дверей.

Я заставила себя выдохнуть.

— Простите. Он позвонил мне перед тем, как его увезли. Сказал, что должен рассказать правду. А потом связь оборвалась. Я просто хочу убедиться, что он жив.

На этот раз женщина задержала на мне взгляд чуть дольше.

— Подождите здесь.

Она куда-то позвонила, прикрыв трубку ладонью. Я не слышала слов, только отдельные обрывки: «Орлов», «посетительница», «не родственница».

Через несколько минут к стойке подошла медсестра лет сорока.

— Алиса Воронцова?

Я кивнула.

— Пройдёмте.

Мы миновали коридор с закрытыми дверями и остановились возле палаты номер семь. Медсестра не стала открывать дверь.

— Пациент без сознания. Состояние стабильное, но ему нужен покой. Вы можете посмотреть на него через стекло. Внутрь пока нельзя.

— Что с ним случилось?

— Я не лечащий врач.

— Его кто-то ударил?

Медсестра посмотрела на меня так, словно этот вопрос ей задавали уже не впервые.

— Вам лучше дождаться врача.

Она ушла, оставив меня одну.

За стеклом лежал Максим.

Я узнала его не сразу. Он всегда был человеком, который занимал собой пространство: широкие плечи, уверенная походка, привычка смотреть прямо в глаза. Даже когда он молчал, казалось, что он вот-вот скажет что-то важное.

Теперь он выглядел почти незнакомым.

На виске темнел синяк. На руке была закреплена капельница. Под белым одеялом его тело казалось неподвижным и слишком хрупким.

Я приложила пальцы к стеклу.

— Ты обещал мне правду, — прошептала я. — Десять лет назад ты уже один раз исчез. Не вздумай повторять это сейчас.

Максим не шевельнулся.

Я отвернулась, потому что вдруг поняла: все эти годы я представляла нашу встречу совершенно иначе.

В моих фантазиях он просил прощения. Объяснял, почему оставил меня. Говорил, что любил, но был слишком труслив, чтобы остаться.

Я ненавидела себя за то, что иногда представляла даже поцелуй.

Но ни в одной из этих фантазий он не лежал без сознания

в больничной палате.

— Алиса?

Я обернулась.

Ко мне шёл мужчина в светлой рубашке и тёмных брюках. Я узнала Андрея — того самого, который открыл дверь загородного дома. Только теперь он выглядел иначе: волосы были мокрыми, воротник рубашки расстёгнут, под глазами залегли тени.

— Что ты здесь делаешь? — спросила я.

— Мог бы задать тебе тот же вопрос.

— Я приехала к Максиму.

— Знаю.

— Тогда объясни, что с ним произошло.

Андрей бросил взгляд на палату.

— Он упал. Врачи разбираются.

— Ты уже говорил это в доме. Но я спрашиваю не о том, что произошло с его телом. Я спрашиваю, что произошло до этого.

— Алиса, сейчас не время.

— А когда будет время? После того, как он очнётся и снова сбежит? Или после того, как кто-нибудь ещё решит, что мне лучше ничего не знать?

Андрей помолчал.

— Ты всегда была такой.

— Какой?

— Если чувствовала, что от тебя что-то скрывают, пере-

ставала слышать всё остальное.

— А вы все всегда считали, что лучше знаете, что мне нужно?

Он не ответил.

Я достала из кармана кольцо и подняла его между нами.

Андрей побледнел.

Это было едва заметно: на секунду напряглась челюсть, взгляд метнулся к кольцу и тут же вернулся ко мне. Но я увидела.

— Ты знаешь, чьё оно, — сказала я.

— Убери его.

— Почему?

— Просто убери, Алиса.

— Виктория была в доме. Кольцо лежало на полу. Она потребовала вернуть его, будто я нашла не украшение, а что-то опасное.

— Ты должна отдать его ей.

— Почему?

Андрей провёл ладонью по лицу.

— Потому что оно не имеет отношения к Максиму.

— Тогда почему ты испугался, когда увидел его?

Он посмотрел на меня долгим, тяжёлым взглядом.

— Ты не понимаешь, что делаешь.

— Так объясни.

— Не могу.

Я усмехнулась, хотя мне совсем не было смешно.

— Удивительно. Десять лет назад вы все, кажется, договорились отвечать мне одной и той же фразой.

— Кто тебе это сказал?

— Никто. Я сама начинаю замечать закономерности.

Андрей отвернулся к окну. За стеклом медленно ползли капли дождя.

— Виктория не должна была оставлять тебя одну с фотографиями, — произнёс он наконец.

Я почувствовала, как внутри всё похолодело.

— При чём здесь фотографии?

Он понял, что сказал лишнее.

— Я не это имел в виду.

— Тогда что ты имел в виду?

— Алиса…

— Ты видел фотографии моей бабушки?

Он молчал.

— Ты знал, что она хранила их?

— Да.

Ответ прозвучал так тихо, что я сначала решила, будто ослышалась.

— Откуда?

— Потому что я сам принёс ей одну из них.

Я посмотрела на кольцо в своей руке.

— Какую?

— Ту, на которой вы с Максимом стоите у старого причала.

В памяти вспыхнул снимок из нижнего ящика комода. Я и Максим, прижавшиеся друг к другу на фоне воды. Солнце слепило мне глаза. Максим улыбался, а я держала его за руку.

На обороте не было никаких пометок.

— Зачем ты отдал её бабушке?

— Она попросила.

— Когда?

— Десять лет назад.

— Четырнадцатого июня?

Андрей медленно покачал головой.

— Позже.

— Насколько позже?

— Через несколько дней.

Я попыталась выстроить даты в голове. Четырнадцатое июня. Исчезновение Максима. Сообщение, отправленное с его телефона. Свадьба, которой не случилось. А потом — его брак с Викторией.

И фотография, которую Андрей зачем-то отдал моей бабушке.

— Что на ней такого? — спросила я.

— Ничего.

— Тогда почему она попросила тебя принести её?

— Потому что на обороте была надпись.

У меня пересохло во рту.

— Какая надпись?

Андрей посмотрел на дверь палаты, словно надеялся, что кто-нибудь выйдет и избавит его от необходимости отвечать.

— «Если она вспомнит, всё начнётся сначала».

Я перестала чувствовать холод кольца в ладони.

— Кто написал?

— Не знаю.

— Ты принёс фотографию, не прочитав надпись?

— Я прочитал её.

— Значит, знаешь.

— Нет. Я не знаю, кто написал. И тогда не понял, что она означает.

— А сейчас понял?

Он не ответил.

И это молчание оказалось красноречивее любых признаний.

Я убрала кольцо в карман.

— Ты был там четырнадцатого июня?

Андрей закрыл глаза.

Всего на секунду. Но мне хватило.

— Был, — сказала я.

— Алиса, послушай…

— Ты был там.

— Да.

Одно короткое слово. И целое десятилетие лжи, которое вдруг обрело ещё одного участника.

— Кто ещё?

— Не здесь.

— Здесь, Андрей. Именно здесь. Максим лежит за этой дверью, а ты продолжаешь решать, сколько правды мне можно выдать за один раз.

— Если ты узнаешь всё сейчас, ты можешь сделать то же самое, что тогда.

Я замерла.

— Что именно я сделала тогда?

Андрей посмотрел мне прямо в глаза.

— Ты попросила нас забыть.

В коридоре стало так тихо, что я услышала равномерный писк аппарата за дверью палаты.

— Я не могла этого попросить.

— Почему?

— Потому что я не помню, что произошло.

— Вот именно.

Он произнёс это без злости. Скорее с усталостью человека, который слишком долго надеялся, что прошлое останется похороненным.

Я хотела схватить его за рубашку, встряхнуть, заставить объяснить каждое слово. Но вместо этого спросила:

— Что со мной случилось четырнадцатого июня?

Андрей открыл рот, однако ответить не успел.

Дверь палаты распахнулась. Вышел врач, снимая перчатки.

— Вы родственники пациента?

— Нет, — ответил Андрей.

— Тогда мне нужно поговорить с его супругой. Она здесь?

Я посмотрела на него.

— Виктория?

Врач сверился с бумагами.

— Да. Она указана как контактное лицо.

— Её здесь нет, — сказала я.

— Она была здесь утром.

Андрей резко повернулся ко мне.

— Что?

Врач поднял глаза.

— Госпожа Лебедева приезжала около восьми. После разговора с дежурным врачом она ушла.

Я посмотрела на часы. Было без четверти одиннадцать.

— А что она спрашивала?

Врач нахмурился.

— Я не могу обсуждать разговор с другим посетителем.

— Она просила вас не давать ему прийти в сознание? — вырвалось у меня.

— Алиса! — резко сказал Андрей.

Но врач уже смотрел на меня с настороженностью.

— Вам лучше подождать в холле.

Он вернулся в палату и закрыл дверь.

Я осталась в коридоре с Андреем, кольцом в кармане и новой мыслью, от которой хотелось немедленно отказаться.

Виктория приезжала сюда раньше меня.

Она знала, что Максим без сознания. Знала, что он не сможет рассказать мне правду. И, возможно, именно поэтому ушла.

— Ты должен мне кое-что объяснить, — сказала я Андрею.

— Я уже сказал больше, чем должен был.

— Тогда скажи хотя бы одно: почему Виктория вышла за него замуж?

Андрей посмотрел на меня с таким выражением, словно этот вопрос был гораздо опаснее всех предыдущих.

— Потому что она боялась, что он однажды всё-таки вернётся к тебе.

Я ожидала чего угодно, только не этого.

— Но он вернулся к ней, — сказала я. — Они женаты.

— Ты думаешь, брак означает, что человек получил то, чего хотел?

Он ушёл, не попрощавшись.

Я не стала его останавливать.

В голове крутилась фраза: «Ты попросила нас забыть».

Я пыталась вспомнить четырнадцатое июня. Не фотографии, не обрывки разговоров, не чужие версии. Сам день.

Мне было двадцать лет. Мы с Максимом собирались пожениться. Виктория была моей лучшей подругой. Андрей часто проводил с нами время, но никогда не был настолько близок, чтобы хранить мои секреты.

Что могло произойти, чтобы все четверо решили мол-

чать?

И почему моя бабушка знала об этом?

Я спустилась на первый этаж и села возле окна. Достала телефон, открыла переписку с Викторией.

Я: Ты сегодня была в больнице?

Ответ пришёл почти сразу.

Виктория: Кто тебе сказал?

Я смотрела на экран, чувствуя, как внутри поднимается холодная ярость.

Я: Значит, была.

Виктория: Алиса, не начинай.

Я: Что ты делала у палаты Максима?

На этот раз она отвечала дольше.

Виктория: Проверяла, жив ли он.

Я перечитала сообщение дважды.

Я: Ты его жена. Разве ты не должна была знать это и без проверки?

Виктория: Ты не понимаешь.

Я: Тогда объясни.

Три точки появились почти мгновенно. Исчезли. Снова появились.

Наконец пришло сообщение:

Виктория: Если он очнётся, не позволяй ему показывать тебе фотографию.

У меня похолодели пальцы.

Я: Какую фотографию?

Ответа не было.

Я набрала её номер, но Виктория сбросила вызов.

Потом телефон завибрировал снова. На этот раз сообщение пришло с незнакомого номера.

Внутри было только одно предложение:

«Фотография уже у тебя. Проверь оборот».

Я медленно подняла голову.

На противоположной стороне холла стоял автомат с кофе. Рядом, возле выхода, мужчина в сером пальто смотрел прямо на меня. Когда наши взгляды встретились, он отвернулся и вышел под дождь.

Я вскочила и бросилась за ним, но на улице увидела только пустую парковку и мокрый тротуар.

Вернувшись на скамью, я открыла галерею телефона и нашла снимок у старого причала.

На фотографии мы с Максимом держались за руки. Я увеличила изображение, пытаясь разглядеть оборот, которого на снимке, конечно, не было.

И вдруг вспомнила: оригинал лежал не в комоде.

Бабушка хранила его в старой деревянной шкатулке, которую я забрала с собой после похорон.

Шкатулка стояла в багажнике машины.

Я выбежала из больницы, не обращая внимания на дождь.

Через несколько минут я уже сидела за рулём и дрожащими руками открывала шкатулку. Внутри лежали письма, несколько пожелтевших открыток и тот самый снимок.

Я перевернула фотографию.

Надпись была сделана чёрной ручкой. Почерк казался знакомым, но я не могла понять, чей он.

«Если Алиса узнает, что произошло на самом деле, она поймёт, почему Максим выбрал Викторию».

Ниже стояла дата.

14 июня.

И ещё одна строка, написанная другим почерком:

«Но она уже знает. Просто не помнит, кто из нас первым солгал».

Глава 7

Глава 7. Почерк лжеца

Я не знала, сколько времени просидела в машине.

Дождь стучал по крыше, стекло запотело, а фотография лежала у меня на коленях. Я перечитывала надпись снова и снова, надеясь, что буквы изменятся, если достаточно долго на них смотреть.

«Если Алиса узнает, что произошло на самом деле, она поймёт, почему Максим выбрал Викторию».

И ниже, другим почерком:

«Но она уже знает. Просто не помнит, кто из нас первым солгал».

Я провела пальцем по второй строке.

Почему Максим выбрал Викторию?

Этот вопрос мучил меня десять лет. Я задавала его себе в самые неподходящие моменты: когда видела чужие свадебные фотографии, когда случайно слышала знакомую песню, когда просыпалась после сна, в котором Максим всё ещё был моим.

Сначала я думала, что он разлюбил меня.

Потом — что испугался свадьбы.

Позже я убедила себя, что Виктория просто оказалась рядом в тот момент, когда я была слишком разбита, чтобы бороться за него.

Но ни разу я не допускала мысли, что он мог выбрать её по причине, о которой я сама когда-то знала.

И забыла.

Я включила освещение в салоне и поднесла фотографию ближе к стеклу. Первый почерк был угловатым, с длинными перекладинами букв. Второй — более округлым, аккуратным. В нём было что-то знакомое.

Я достала из шкатулки письмо бабушки.

То самое, которое нашла в нижнем ящике комода.

«Не сердись на меня за то, что я молчала».

Я положила письмо рядом с фотографией.

Почерк совпадал.

Бабушка написала обе строки.

Но зачем?

Если она знала, почему Максим женился на Виктории, почему не рассказала мне? Почему хранила фотографию все эти годы, словно ждала, когда я наконец вернусь и найду её?

И главное — что означало «она уже знает»?

Я достала телефон и сфотографировала надпись. Затем открыла переписку с Андреем.

Я: Мне нужна правда о четырнадцатом июня.

Сообщение было прочитано почти сразу.

Ответа не последовало.

Я набрала ещё одно.

Я: Бабушка написала, что я уже знаю, что произошло. Что именно я забыла?

На этот раз Андрей ответил.

Андрей: Не спрашивай об этом по телефону.

Я: Почему?

Андрей: Потому что некоторые вещи нельзя объяснить одним сообщением.

Я: Тогда встретимся.

Он прислал адрес небольшого кафе возле старого автовокзала и время — двенадцать часов дня.

До встречи оставалось чуть больше часа.

Я завела двигатель и направилась домой.

В шкатулке я нашла ещё несколько фотографий, которые раньше не рассматривала внимательно.

На одной мы с Викторией сидели на полу в моей комнате. Нам было лет шестнадцать. Она смеялась, запрокинув голову, а я показывала ей что-то на телефоне.

На другой Максим стоял рядом с Андреем возле старого гаража. На обороте было написано: «Последний спокойный вечер».

Я перевернула фотографию.

Дата — тринадцатое июня.

За день до того, что теперь казалось центром всей моей жизни.

Я долго смотрела на лицо Максима. Он улыбался, но глаза оставались серьёзными. Я помнила этот вечер. Мы собира-

лись пожениться, обсуждали квартиру, приглашённых, музыку. Максим всё время отвлекался на телефон.

Тогда я решила, что он нервничает.

Теперь я не была уверена даже в этом.

Я закрыла глаза, пытаясь восстановить разговор.

— Ты сегодня какой-то странный, — говорила я ему.

— Просто устал.

— Ты жалеешь, что мы решили пожениться?

Он посмотрел на меня так, словно я спросила о чём-то гораздо более страшном.

— Нет, Алис. Я жалею только о том, что не сказал тебе раньше.

— Что не сказал?

Воспоминание оборвалось.

Я резко открыла глаза.

Вот оно.

Не лицо Виктории. Не её кольцо. Не исчезновение Максима.

Фраза.

«Я жалею только о том, что не сказал тебе раньше».

Что именно он собирался сказать?

Я попыталась вспомнить продолжение, но вместо слов услышала какой-то глухой удар. Потом — собственный голос:

— Не смей!

Я вскочила с дивана.

Сердце колотилось так сильно, что я несколько секунд не могла вдохнуть.

Это было не воспоминание целиком. Скорее обрывок, случайно вырвавшийся из глубины сознания. Я не видела, где мы находились, не понимала, кому кричала и почему.

Но голос был мой.

Я была там.

И, возможно, именно я когда-то попросила всех молчать.

Кафе возле автовокзала почти не изменилось за десять лет. Те же пластиковые столы, выцветшие фотографии еды на стенах и запах пережаренного масла.

Андрей сидел в дальнем углу.

Перед ним стояла чашка нетронутого кофе.

— Ты опоздала на три минуты, — сказал он.

— А ты, кажется, надеялся, что я вообще не приду.

— Надеялся.

Я села напротив и положила фотографию на стол.

Андрей посмотрел на неё, и его лицо стало напряжённым.

— Где ты это нашла?

— В шкатулке бабушки.

— Покажи.

Я придвинула снимок к нему.

Он прочитал надпись на обороте и откинулся на спинку стула.

— Она всё-таки сохранила её.

— Ты знал об этой надписи?

— Нет.

— Но знал, что бабушка хранила фотографии.

— Да.

— Почему?

Андрей потёр переносицу.

— Потому что после четырнадцатого июня она позвонила мне и попросила привезти ей несколько снимков. Сказала, что хочет сохранить их для тебя.

— А ты не спросил зачем?

— Спросил.

— И?

— Она сказала: «Когда-нибудь Алиса сама решит, что ей нужно помнить».

Я почувствовала раздражение.

— Все вокруг меня почему-то решили, что моя жизнь — это семейный архив, который нужно выдавать по частям.

— Думаешь, нам было легко?

— Мне всё равно, легко ли было вам. Я десять лет считала, что человек, которого любила, бросил меня ради моей лучшей подруги. А теперь выясняется, что вы все что-то знали, бабушка хранила доказательства, а я якобы сама попросила вас молчать.

Андрей опустил взгляд.

— Ты не просто попросила.

Я замерла.

— Что это значит?

Он долго молчал, потом достал из внутреннего кармана сложенный лист бумаги.

— Я не собирался показывать тебе это сегодня.

— Но принёс с собой.

— Потому что боялся, что ты найдёшь его раньше меня.

Он положил лист на стол.

Это была распечатка старого электронного письма. Бумага пожелтела по краям, а текст местами расплылся.

Отправитель: Алиса Воронцова.

Получатель: Андрей Соколов.

Дата: 15 июня, десять лет назад.

Я перестала дышать.

— Это невозможно.

— Я получил его утром пятнадцатого.

— Я не писала тебе писем.

— Тогда ты тоже так сказала.

Я прочитала текст.

«Андрей, пожалуйста, сделай так, чтобы никто больше не обсуждал вчерашнее. Я не хочу слышать ни от Максима, ни от Вики ни одного слова об этом. Если они действительно любят меня, пусть выполнят хотя бы одну мою просьбу.

Не говори бабушке подробностей. Она не должна знать, что именно произошло.

И если Максим спросит, скажи ему, что я всё решила.

Алиса».

Я перечитала письмо ещё раз.

— Я этого не писала.

— Почтовый адрес был твоим.

— Адресом мог воспользоваться кто угодно.

— Мог.

— Ты хочешь сказать, что поверил этому письму?

— Я поверил, что ты хотела, чтобы мы молчали.

— Почему?

Андрей посмотрел на меня.

— Потому что, когда я увидел тебя на следующий день, ты сама попросила меня никому ничего не рассказывать.

Я почувствовала, как холодеют пальцы.

— Где?

— У старого причала.

Перед глазами мелькнула вода. Серое небо. Чьи-то мокрые рукава. Я стояла на деревянных досках и не могла перестать дрожать.

А потом — пустота.

Я схватилась за край стола.

— Что произошло на причале?

Андрей не ответил сразу.

— Ты была там с Максимом. Виктория приехала позже. Я появился последним.

— Почему?

— Потому что Максим позвонил мне и сказал, что случи-

лось что-то серьёзное.

— Что именно?

— Он не объяснил.

— А когда ты приехал?

Андрей сжал руки.

— Вы с Максимом уже кричали друг на друга. Виктория стояла в стороне. Ты плакала. Максим пытался к тебе подойти, но ты сказала, чтобы он не трогал тебя.

Я почувствовала, что земля уходит из-под ног.

— Что он сделал?

— Не знаю.

— Андрей!

— Я не знаю, Алиса! — впервые повысил голос он. — Я приехал, когда всё уже произошло. Я видел только последствия. Ты была в таком состоянии, что едва могла говорить. Максим хотел отвезти тебя домой, но ты отказалась. Виктория пыталась помочь, а ты оттолкнула её.

Я смотрела на него, пытаясь найти хоть одну деталь, за которую могла бы зацепиться.

— А потом?

— Потом ты попросила нас никому не рассказывать.

— И вы согласились?

— Мы думали, что защищаем тебя.

— От чего?

Андрей отвёл глаза.

— От того, что случилось между вами.

— Между кем?

Он молчал.

— Между мной и Максимом? Или между мной и Викторией?

Андрей поднялся.

— Мне пора.

— Сядь!

Несколько посетителей обернулись.

Я понизила голос:

— Ты не уйдёшь, пока не ответишь хотя бы на один вопрос. Почему Максим женился на Виктории?

Андрей застыл.

— Потому что после той ночи он решил, что больше не имеет права быть с тобой.

— Почему?

— Спроси у него.

— Он лежит без сознания!

— Тогда придётся дождаться, когда он очнётся.

Он оставил деньги на столе и направился к выходу.

Я схватила распечатку.

— Андрей!

Он остановился у двери.

— Ещё одно. Ты спрашивала, кто первым солгал?

Я кивнула.

— Я не знаю, кто написал то письмо, — сказал он. — Но знаю, что утром пятнадцатого июня Максим пришёл ко мне

и сказал, что ты никогда не должна узнать правду о том, что он сделал.

Он ушёл.

А я осталась сидеть за столом, сжимая лист бумаги, на котором стояло моё имя.

Дома я первым делом включила старый ноутбук бабушки.

Он работал медленно, шумел и несколько раз зависал, прежде чем загрузить рабочий стол. Я не знала, что именно ищу. Возможно, письма. Возможно, старые фотографии. Возможно, хоть что-нибудь, что подтвердило бы: я не сошла с ума и не выдумала чужую жизнь вместо своей.

В папке «Архив» нашлись сотни документов.

Счета, сканы писем, старые фотографии, медицинские квитанции.

И один файл без названия.

Дата создания — пятнадцатое июня, десять лет назад.

Я открыла его.

Это был текстовый документ. Всего несколько строк.

«Алиса сказала, что не хочет ничего помнить.

Максим сказал, что сделает всё, чтобы она смогла начать заново.

Виктория сказала, что никто не должен узнать, кто был там первым.

Я не знаю, кому из них верить.

Но если они когда-нибудь снова окажутся вместе, правда всё равно выйдет наружу».

Внизу стояли инициалы бабушки.

Я перечитала документ несколько раз.

«Кто был там первым».

Первым на причале?

Первым пришёл?

Первым солгал?

Я открыла свойства файла. Никаких дополнительных данных, никаких вложений. Только дата создания и имя автора.

Тогда я вспомнила про телефон.

Мой старый телефон, который, по словам Максима, уже был у него в руках в день исчезновения.

Я хранила его в коробке вместе с ненужными зарядками и проводами. Он давно не включался, но, возможно, фотографии или сообщения сохранились во внутренней памяти.

Я нашла коробку в шкафу.

Телефон оказался на месте.

Старый, с треснувшим экраном, он выглядел жалко и почти смешно. Я подключила его к зарядке и стала ждать.

Через несколько минут экран мигнул.

Я задержала дыхание.

На дисплее появился логотип производителя, затем запрос на разблокировку.

Я попробовала старый код — дату рождения Максима.

Неверно.

Свою дату рождения.

Неверно.

Дату нашей предполагаемой свадьбы.

Экран разблокировался.

Я едва не выронила телефон.

Сообщений сохранилось немного. Большая часть переписки была удалена или повреждена. Но в архиве нашлось несколько сообщений за четырнадцатое июня.

От Максима.

18:42: «Нам нужно поговорить до того, как приедет Вика».

18:47: «Алиса, пожалуйста, ответь».

19:03: «Я не хотел, чтобы ты узнала так».

Следующее сообщение было отправлено с моего номера.

19:11: «Ты обещал, что она не узнает».

Я почувствовала, как по спине пробежал холод.

Кому я это написала?

И что именно Максим обещал скрыть?

Я открыла следующее сообщение.

Оно было адресовано Виктории.

19:16: «Ты должна была сказать мне сама».

Ответ Виктории пришёл через две минуты.

19:18: «Я хотела. Но ты бы мне не поверила».

Я сидела неподвижно.

За окном темнело. В соседней квартире кто-то включил телевизор, и сквозь стену доносился смех из какого-то ста-

рого шоу.

Обычный вечер.

Обычная жизнь.

А моя жизнь десять лет назад, судя по всему, закончилась не тогда, когда Максим исчез перед свадьбой.

Она закончилась на несколько часов раньше.

Я пролистала переписку дальше.

Последнее сообщение за четырнадцатое июня было отправлено с моего телефона в 23:54.

«Если завтра я скажу, что ничего не помню, не верьте мне».

Я перечитала фразу.

Потом ещё раз.

И ещё.

Под сообщением стояла отметка о доставке.

Но ответа не было.

Я положила телефон на стол и закрыла лицо руками.

Впервые за всё время я испугалась не того, что Максим мог мне солгать.

Я испугалась, что он говорил правду.

Что-то действительно произошло той ночью.

И я сама попросила всех не позволять мне это забыть.

Телефон завибрировал.

Номер был незнакомым.

«Ты нашла сообщения?»

Я не ответила.

Пришло второе:

«Тогда тебе нужно знать ещё кое-что. Максим не исчез перед вашей свадьбой. Он пришёл к тебе в ночь перед отъездом».

Я медленно подняла голову.

Следом пришла фотография.

На ней был старый причал. Ночь. Двое людей стояли у самого края деревянного настила.

Один — Максим.

Вторую фигуру скрывала темнота.

Но на её руке блестело тонкое кольцо с тёмным камнем.

Кольцо Виктории.

Под фотографией было написано:

«Спроси себя не о том, почему он выбрал её. Спроси, почему ты сама попросила его уйти».